



Ещё о «Науке и Анархии». Необходимость и свобода

Эррико Малатеста

1 февраля 1926

Ещё о «Науке и Анархии». Необходимость и свобода

Замечания, которые я здесь и там писал в последнее время об отношениях между Наукой и Анархией, и особенно тот факт, что я назвал абсурдным определение, которое Кропоткин давал Анархии – *«Анархия есть мирозерцание, основанное на механическом понимании явлений, охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ»*, – возмутили некоторых товарищей, которые, не понимая, конечно, по моей вине, того, что я имел в виду, заставили меня сказать, будто анархизм не знал, что делать с наукой и философией, и пустились доказывать великие заслуги науки и утверждать, что анархизм есть общая концепция жизни, то есть философия, так и не коснувшись вовсе того пункта, который я действительно поставил на обсуждение.

Постараюсь объяснить яснее.

Эррико Малатеста
Ещё о «Науке и Анархии». Необходимость и свобода
1 февраля 1926

Pensiero e Volontà год 3й, №2

ru.anarchistlibraries.net

Оставим философию, которой дают тысячу разных определений и которая часто поистине есть, как иронически говорит один философ, сам не блистающий чрезмерной ясностью, искусство делать туманным то, что ясно. Я профан и потому, эмпирически, для личного пользования, делю то, что говорят «философы», на две части: то, что я понимаю, и то, что я не понимаю. В той части, которую я понимаю, я нахожу истины, ошибки, сомнения, гипотезы, проблемы – всё вещи в высшей степени интересные, но которые в конечном счёте все входят в область научного исследования, если среди наук включать логику и психологию. В той части, которую я не понимаю, мне чудится видеть фантазии, тавтологии, споры о словах... но поскольку я не понимаю, будет разумнее воздержаться от суждений.

Останемся на твёрдой почве науки.

Цель научного исследования – изучать природу, открывать факт и «законы», которые им управляют, то есть условия, при которых факт *необходимо* происходит и *необходимо* воспроизводится. Наука составляется тогда, когда может предвидеть то, что произойдёт, – неважно, умеет ли она или нет сказать, почему: если прогноз не сбывается, это значит, что была ошибка и потому остается только делать более широкое и более глубокое исследование¹. Случай, произвол, каприз – понятия, чуждые науке, которая ищет то, что фатально, то есть то, что не может быть иначе, то, что необходимо.

Эта необходимость, связывающая между собой во времени и пространстве все естественные факты и составляющая задачу науки – искать и открывать, – охватывает ли

¹ *se la previsione non si avvera, vuol dire che vi era errore e non c'è da procedere a più ampia e più profonda indagine.*

она всё, что происходит во вселенной, включая психические и социальные факты?

Механицисты говорят «да» и думают, что всё подчинено одному и тому же механическому закону, всё предопределено физико-химическими предшествующими причинами: и ход светил, и рост цветка, и трепет влюблённого, и развитие человеческой истории. И система, охотно соглашусь, представляется прекрасной и грандиозной, менее абсурдной, менее непостижимой, чем метафизические системы, и, если бы её можно было доказать как истинную, она полностью удовлетворяла бы ум. Но тогда, несмотря на все псевдологические усилия детерминистов примирить систему с жизнью и с моральным чувством, не остаётся места – ни малого, ни большого, ни условного, ни безусловного – для воли и для свободы. Наша жизнь и жизнь человеческих обществ была бы вся предопределена и предвидима, *ab eterno* и навечно, во всех мельчайших подробностях, как и любой механический факт, и наша воля была бы простой иллюзией, как та иллюзия камня, о котором говорит Спиноза, – будто, падая, он сознавал своё падение и верил, что падает, потому что хочет падать.

Допустив это, – а механицисты и детерминисты не могут не допустить этого, не противореча себе, – становится абсурдным желание контролировать свою жизнь, желание воспитывать себя и других, желание изменить в том или ином смысле общественную организацию. Вся эта суэта людей, готовящих лучшее будущее, была бы бесполезным плодом иллюзии и не могла бы продолжаться после того, как обнаружилось, что это иллюзия. Правда, и иллюзия, и абсурд были бы фатальными продуктами механических функций мозга и как таковые входили бы в систему. Но, ещё раз, какое место остаётся для воли, для свободы, для действительности человеческого труда в жизни и в судьбах человека?

Чтобы у людей была уверенность или по крайней мере надежда, что они могут делать полезное дело, нужно допустить творческую силу, первопричину или первопричины, независимые от физического мира и от механических законов, – и эта сила есть то, что мы называем волей.

Конечно, допустить эту силу означает отрицать всеобщее применение принципа причинности и достаточного основания², из-за чего наша логика оказывается в затруднении. Но разве не всегда так, когда мы хотим дойти до происхождения вещей? Мы не знаем, что такое воля; но знаем ли мы, что такое материя, что такое энергия? Мы знаем факты, но не знаем разумного объяснения почему факты таковы, и, как бы мы ни старались, мы всегда приходим к следствию без причины, к первопричине, – и если для объяснения фактов нам нужны первопричины, всегда присутствующие и всегда действующие, мы примем их существование как необходимую или по крайней мере удобную гипотезу.

Если рассматривать вещи так, задача науки – открывать то, что фатально (естественные законы), и устанавливать пределы, где кончается необходимость и начинается свобода; и великая её польза состоит в том, чтобы освободить человека от иллюзии, будто он может делать всё, что хочет, и всё более расширять его действительную свободу. Когда не знали фатальности, подчиняющей все тела законам тяготения, человек мог верить, что может летать по своему желанию, но оставался на земле; когда наука открыла условия, необходимые для того, чтобы держаться и двигаться в воздухе, человек приобрёл действительно свободу летать.

² Идея Лейбница, означающее, что у всего, что есть или происходит, должна быть причина или основание, почему это так, а не иначе.

В заключение всё, что я утверждаю, – это что существование воли, способной производить новые последствия, независимые от механических законов природы, есть *необходимая предпосылка* для того, кто утверждает возможность преобразовать общество.

Именно о необходимости или отсутствии необходимости этой предпосылки и могут спорить, если хотят, П. Галилино и другие мои оппоненты. Гимны красоте науки не попадают в цель.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.